

БОРЬБА ЗА СВОБОДНЫЙ РЫНОК ЗЕРНА В АНГЛИИ

Ю. Н. Кривуц

к.э.н., доцент

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

meo_1@ukr.net

Дана характеристика состояния рынка зерна в Англии в XVIII в., показано изменение соотношения экспорта и импорта культуры, изложены причины ситуации и направления решения проблемы: вовлечение пустующих и малопродуктивных земель, вложение дополнительного труда и капитала. Сельхозпроизводители и собственники земли поднимали цену на продукт полей, что не могло не волновать народ. Обострившаяся обстановка втянула в дискуссию представителей английской экономической науки – А. Смита и Д. Рикардо. Автор «Исследования о природе и причинах богатства народов» отметил негативную роль высоких импортных таможенных пошлин на ввозимое зерно и призвал перейти к свободной торговле вообще, зерном, мукой и хлебом в частности. Аналогичны рассуждения и предложения Д. Рикардо в статьях по аграрным вопросам. Лендлорды и правительство противились, не отменяя, а изменяя шкалу пошлин. Недовольство охватило общество. Развернулось массовое движение за отмену «хлебных законов». Сторонники Р. Кобдена победили. В Англии утвердился свободный рынок зерна как сегмент внутринационального свободного рынка. Доктрина свободной торговли восторжествовала.

Ключевые слова: производство, потребление, зерно, экспорт, импорт, «хлебные законы», Англия, рынок, свободная торговля.

БОРЬБА ЗА ВІЛЬНИЙ РИНОК ЗЕРНА В АНГЛІЇ

Дана характеристика стану ринку зерна в Англії в XVIII ст., показано зміну співвідношення експорту та імпорту культури, викладені причини ситуації та напрями вирішення проблеми: залучення пустинних і малопродуктивних земель, вкладення додаткової праці і капіталу. Сільгоспвиробники і власники землі піднімали ціну на продукт полів, що не могло не хвилювати народ. Загострена обстановка втягнула в дискусію представників англійської економічної науки – А. Сміта і Д. Рікардо. Автор «Дослідження про природу і причини багатства народів» відзначив негативну роль високих імпортних мит на ввезене зерно і закликав перейти до вільної торгівлі взагалі, зерном, борошном і хлібом зокрема. Аналогічні міркування і пропозиції Д. Рікардо в статтях з аграрних питань. Лендлорди і уряд противилися, не скасовуючи, а змінюючи шкалу мит. Невдоволення охопило суспільство. Розгорнувся масовий рух за скасування «хлібних законів». Прихильники Р. Кобдена перемогли. В Англії утвердився вільний ринок зерна як сегмент внутрішньонаціонального вільного ринку. Доктрина вільної торгівлі перемогла.

Ключові слова: виробництво, споживання, зерно, експорт, імпорт, «хлібні закони», Англія, ринок, вільна торгівля.

FIGHT FOR FREE GRAIN MARKET IN ENGLAND

The article gives characteristics of the market of grain in England in the XVIII century., Shows the change in the ratio of exports and imports of culture, identifies the reasons for the situation and the ways of solving the problem: the involvement of vacant and unsuitable land, investing additional capital and labor. Farmers and land owners have raised the price of the product fields, which could not excite the people. Aggravate the situation, pulled in discus representatives of English economics – Adam Smith and David Ricardo. In «The Wealth of Nations», noted the negative role of high import duties on imported grain and encouraged to go to free trade in general, grain, flour and bread in particular. Similar arguments and proposals Ricardo articles on agrarian issues. Landlords and the government resisted, not canceling, and changing the scale of fees. Dissatisfaction gripped society. It unfolded a mass movement for the abolition of the «Corn Laws». Supporters R. Kobdena won. In England, he established a free grain market as a segment of intra-free market. The doctrine of free trade triumphed.

Keywords: production, consumption, grain, export, import, «Corn Laws», England, Market, free trade.

Постановка проблеми. На протязенні веков ведеться дискусія між представителями протекціонізму і фритредерства о перевагах і недатках ідеологій торгівлі. Кожне правительство, соображаясь с економічним станом країни, використовує ту або іншу доктрину, не задумываясь, когда, где и как они были сконструированы, хотя эти вопросы продолжают сохранять теоретический и практический интерес.

Среди тех, кто отстаивал идеи свободной торговли – классики английской экономической науки А. Смит и Д. Рикардо, Дж. С. Милль и, кроме того, англичане Дж. Брайт, Р. Кобден, Дж. Рассел, француз Ф. Бастис, россияне Г. Афанасьев, И. М. Кулишер, П. Г. Мижуев, И. И. Янжул и др.

Цель статьи – показать на примере Англии конца XVIII – первой половины XIX в. перипетии борьбы за становление в стране свободного рынка зерна как неотъемлемого элемента внутринационального рынка и, конечно, экономические результаты истории свободной торговли.

Изложение основного материала. Деревня всегда жила плодами полей и ферм, город – их избытками. Мудрость местных властей заключалась в желании и умении жить за счет сельскохозяйственной округи и прежде всего важнейшего продукта питания в рационе всех народов – зерновых. Однако не всегда и не везде их хватало. Более того, одни житницы по тем или иным причинам прекращали существование, другие – возникали и успешно раз-

вивались. Если в первой половине XVII в. перспективными были земли Великой Швеции (Ливония, Эстония, Скания), то с 1697 по 1760 г. первенство перехватила Англия, а в XVIII в. — английские колонии на американском континенте [1, с. 141].

До 1760 г. население Британских островов потребляло только собственное зерно. В период с 1730 по 1765 гг. пшеница экспортировалась в значительных для того времени объемах (почти 2% от валового сбора в 1750 г., или 330 тыс. кварталов при производстве в 15 млн). С 1760 г. начался активный ввоз зерновых, и он все возрастал, хотя в 1800 г. собрали 19 млн кварталов (1 квартал = 2,9 гектолитра), а в 1820 г. — даже 25 млн (динамика вывоза и ввоза отражена на рис. 1).

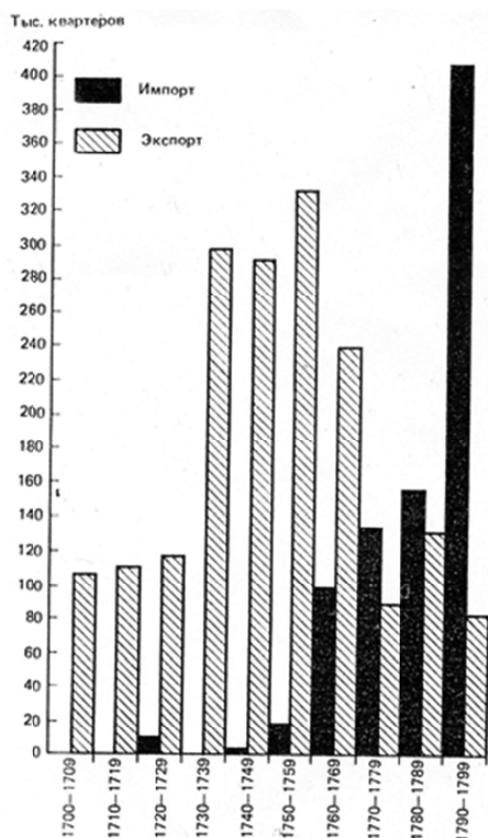

Рис. 1. Английский экспорт и импорт зерна и муки с 1700 по 1799 гг. [2, р. 70]

10-миллионная Англия, всегда вывозившая излишки пшеницы, со второй половины XVIII в. стала наращивать импорт культуры. Чтобы ликвидировать дефицит важнейшего продукта питания, в хозяйственный оборот стали вовлекать пустующие, часто малопродуктивные земли, а подчас и просто песчаные. Урожайность падала, снижались валовые сборы. Проблему пытались решить, увеличивая затраты труда и капитала. Окупятся они или не окупятся, получишь прибыль или обанкротишься — все зависело от цен на конечный продукт (зерно и муку). Сельхозпроизводители и собственники земли пытались не только удержать, но поднять цены на продукт полей.

Обострившаяся ситуация волновала не только землевладельцев и потребителей, но и представителей науки. Основоположник английской экономической науки А. Смит в классическом труде «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776 г.) сделал «Отступление по вопросу хлебной торговли и хлебных законов», завершая главу относительно премий, поощрявших вывоз зерновых. Автор пишет о четырех ветвях хлебной торговли. «Это, во-первых, торговля хлебом внутри страны; во-вторых, импортная торговля для внутреннего потребления; в-третьих, экспортная торговля хлебом для иностранного потребителя и, в-четвертых, транзитная торговля хлебом» [3, с. 501]. Далее следует характеристика этих «особых отраслей торговли». Говоря о первой из четырех самостоятельных отраслях торговли зерном, А. Смит отмечает: «Интересы торговца хлебом внутри страны и широких слоев населения совершенно тождественны даже в годы сильнейшего неурожая... Поднимая цену, он ограничивает потребление... торговец хлебом... под влиянием чрезмерной жадности поднимет цену ... выше, чем это требуется». Такая чрезмерная жадность вызывает возмущение покупателей. Продавец страдает и потому, что у него остается непроданный продукт, который придется «продать по более низкой цене» [3, с. 501-502]. Только в неурожайные годы цена зерна, муки и хлеба может повышаться: срабатывает закон соотношения спроса и предложения, его можно нивелировать, используя механизм свободной торговли [3, с. 504]. По мнению конструктора «Исследования о природе и причинах богатства народов», в первой половине XVIII в. внутренняя торговля пшеницей и ее производными для земледельца и продавца имела большее значение, чем экспортная [3, с. 512].

На внутреннем рынке представлен не только отечественный, но и импортный дар полей, что «полезно для... населения», хотя при свободном ввозе местные производители «выручали бы, вероятно,... несколько меньше..., чем выручают». Пока же «ввоз почти всегда оказывается... воспрещенным» [3, с. 512]. По закону, изданному в 22-й год правления Карла II, ввоз пшеницы, когда ее цена на внутреннем рынке не превышала 53 шилл. 4 п. за квартал, облагался пошлиной в 17 шилл. и пошлиной вдвое меньшей, когда цена не превышала 4 ф. Поступление других видов зерновых также регулировалось пошлинами, почти всегда одинаково высокими (за квартал):

овес при цене до 16 шилл.	—	5 шилл. 10 п.,
св. 16 шилл.	—	9,5 п.,
рожь до 36 шилл.	—	19 шилл. 10 п.,
до 40 шилл.	—	16 шилл. 8 п.

В урожайные годы применение сетки импортных пошлин приостанавливалось и разрешался ввоз иностранного зерна (в течение оговоренного срока) без ограничений, что «достаточно свидетельствовало о непригодности... общего закона»

[3, с. 513] — и от 22-го года правления Карла II, и 1747 г., ведь «Те или иные ограничения ввоза... вредны... сами по себе» [3, с. 514].

Характеризуя третью отрасль торговли хлебом (ей свойственен вывоз для потребления за границей), один из пионеров экономической науки пришел к простому, но важному выводу: «Если бы все нации придерживались либеральной системы свободного вывоза и свободного ввоза, то многочисленные государства, на которые распадается великий континент, уподобились бы различным провинциям одного большого государства. Подобно тому, как свобода внутренней торговли между различными провинциями одного большого государства представляется не только лучшим средством против дороговизны, но и самым действенным средством для предотвращения голода, так подобное же значение имела бы свобода вывозной и ввозной торговли между различными странами, на которые делится континент» [3, с. 515]: недостаток зерновых и любых других продуктов в одной стране может быть восполнен из излишков в другой.

И наконец, создатель монументального труда о природе и причинах богатства народов раскрывает особенности транзитной торговли: она может способствовать снижению цены зерна и хлебопродуктов на внутреннем рынке стран, предоставляющих транзитные коридоры. К сожалению, подчеркивает А. Смит, в Великобритании его времени такой вид товарного обмена оказался фактически запрещенным из-за чрезвычайно высоких импортных пошлин на продукт иностранного производства — овес, пшеницу, рожь, их производные. А ведь благодаря транзиту можно сэкономить на погрузочно-разгрузочных операциях, на фрахте, страховании, значит — удешевить благо первой необходимости.

Обобщая ранее описанные сценарии, автор «Исследования...» заключает: «Естественное стремление каждого человека улучшить свое положение, если ему обеспечена возможность свободно и беспрепятственно проявлять себя, представляет собой столь могущественное начало, что одно оно не только способно без всякого содействия со стороны довести общество до богатства и процветания, но и преодолеть сотни досадных препятствий, которыми безумие человеческих законов так часто затрудняет его деятельность, хотя эти препятствия всегда более или менее ограничивают его свободу или ослабляют его действие» [3, с. 517].

Однако лендлорды не хотели и не видели недовольства народных масс, не хотели и не слышали мэтра экономической науки. Жажда наживы диктовала повышение цен на зерно. Закон 1791 г. отвечал интересам крупных землевладельцев. При нехватке собственных зерновых культур и росте цен на импортные стоимость квартера пшеницы на Британских островах поднялась с 51 шилл. в 1770 и 1780 гг. до 68 в последнее десятилетие века, а в 1803—1813 гг. из-за постоянных неурожаев, осо-

бенно в 1809 и 1810 гг., завышенных ввозных пошлин, расходов на ведение войны с Францией и организации брешей в ее Континентальной блокаде Соединенного Королевства возросла до 90 шилл.

Очередной «хлебный закон» 1814 г. практически исключил саму возможность ввоза иностранного зерна: импорт разрешался, если цена британского продукта полей была не ниже 82 шилл. В реальной жизни результат оказался иным. В 1815—1824 гг. средняя цена упала до 64, в 1829—1838 гг. — до 56, а в 1839—1848 гг. составила всего 59 шилл. Норма закона не только не обеспечила постоянную прибыль отечественным производителям, а привела к прямым убыткам. В надежде на высокие цены зерна они согласились на увеличение в 2-3 раза арендной платы за землю. Труженики полей были вынуждены развернуть компанию по продаже участков. Крестьянство, как отмечалось в «Report of Agriculture» 1836 г., переставало существовать. Сельское хозяйство втягивалось в эпоху застоя.

Спекулянты выжидали повышения цен до такого уровня, какой позволял бы импорт иностранного зерна, и тогда британский рынок заполнялся большим количеством прежде всего пшеницы. Как отмечал Ф. Рикардо, миллионер, увлекшийся экономикой: «...когда средняя цена пшеницы достигает 80 шилл. за квартал, порты открываются на три месяца для неограниченного ввоза иностранной пшеницы без всякой пошлины. При ценах на континенте в средние годы немного выше 40 шилл. за квартал искушение ввозить хлеб в нашу страну в течение трех месяцев, когда порты открыты, должно приводить к ввозу его в огромном количестве» [4, с. 69].

В силу действия закона взаимосвязи спроса и предложения местный товаропроизводитель оказывался в проигрыше.

А выход был, его выпятил Ф. Рикардо в статье «О покровительстве земледельца», увидевшей свет в 1822 г.: в докладе Комитета о бедственном положении земледелия 1821 г. приводятся «аргументы в защиту свободы торговли», которые «кажутся... неоспоримыми» [4, с. 71], поскольку «При системе свободной торговли цена хлеба в двух странах не может по существу различаться больше, чем на сумму расходов по перевозке его из одной страны в другую. Следовательно, если богатый урожай имел место в одной из них, а не в обеих вместе, то, после незначительного понижения цены, выход для излишнего продукта был бы немедленно найден в вывозе» [4, с. 68].

Власти же пытались найти выход, изменив не содержание и нормы «хлебных законов», а их форму, отдельные положения и механизмы их использования. В 1828 г. была сконструирована подвижная шкала импортных пошлин. Она действовала почти два десятилетия и была продублирована рядом западноевропейских государств. Если акт 1791 г. устанавливал запретительную по сути пошлину при цене до 54 шилл., при колебаниях от 64 до 68 — незначительную по величине пошлину, а при цене

выше 68 шилл. допускался свободный, ничем не ограниченный ввоз заграничных зерновых, то новая шкала предусматривала ряд ставок, отражавших зависимость между величиной пошлины и ценой ($P \uparrow$ при $C \downarrow$ и наоборот — $P \downarrow$ при $C \uparrow$). По мнению законодателей, многоступенчатые ставки обеспечивали равномерное поступление зерна и, значит, устойчивость цен на важнейший продукт питания — хлеб. «Определили даже те границы, в которых хлебные цены должны находиться в будущем: рынок приобретет такую устойчивость, что цена на хлеб будет колебаться не между 38 и 112 шиллингов..., а лишь в пределах 55-65 шиллингов» [5, с. 551].

Эффект получился иным. Средняя цена пшеницы в течение двух десятилетий действия подвижной шкалы с восходящей и нисходящей лестницей импортных пошлин составляла всего 57,5 шилл. или ниже, чем ранее, хотя колебания цен были не столь значительны. В 1831 — 1834 гг. цена сначала снижалась с 75 до 35, а затем поднялась до 81 шилл., а вовсе не так, как предусматривала норма закона. В результате — отечественных зернопроизводителей лихорадило, а спекуляция ввозимым из-за границы зерном интенсифицировалась: даже незначительное повышение цены увеличивало барыш торговца, стоило лишь придержать на время, и цена возрастала. Отсюда — двойная выгода: импорт по пониженной ставке пошлины, а продажа по более высокой цене. Когда торговец хлебом, закупив его за 40 шилл. на континенте — в Пруссии, Польше, остзейских провинциях, России — ввозит его в Англию при цене 66 шилл., он получает прибыль лишь в размере $5 \frac{1}{3}$ шилл. Но, подождя до тех пор, пока цена достигнет 73 шилл., он получает прибыль в $25 \frac{2}{3}$ шилл., т. е. на 21 шилл. больше, чем раньше, несмотря на разницу в цене всего в 7 шилл., ибо он уплачивает пошлину не в $20 \frac{2}{3}$ шилл., а в 1 шилл. Это различие в пошлине доставляет ему, следовательно, 19 шиллингов барыша [5, с. 552].

Торговцы зерном играли не только на подвижках цен. Часто они прибегали к прямой фальсификации. Поскольку величина пошлины зависела от цены на пшеницу, а последняя устанавливалась за последние 6 недель по закупкам на 155 рынках Англии, скупали зерно на многих рынках (притом в небольших количествах) по высоким ценам. Выводимая по Королевству цена оказывалась явно завышенной, и это вызывало понижение размера импортной пошлины. На рынке появлялись в течение нескольких дней абсолютно нерасходимые объемы зерна. Цена резко падала. Такое происходило, как правило, во время уборки урожая, и фермеры сбывали собранное за бесценок.

Страдало большинство населения, а не только фермеры. Даже при острой нехватке пшеницы ее свободный ввоз с континента был возможен лишь при условии, определенном подвижной шкалой. Неслучайно «хлебные законы» вызвали неприятие со стороны незлитной части общества (работающего люда) и многих фабрикантов: выработанное на предприятиях

не находило сбыта из-за низкой покупательной способности жителей Британских островов.

Ситуация обострилась в 1837 г. вследствие промышленного кризиса. В Глазго, Манчестере, Ливерпуле, Лондоне и других городах закрылись многие предприятия. Тысячи рабочих остались без работы и заработка. Платежеспособность населения катастрофически упала. Многие усматривали основную причину в «хлебных законах», исключавших по сути свободный импорт зерна, значит, доступную цену хлеба.

В «Мемуаре об Очаковском порте и о торговле, для коей он мог бы служить перевалочным пунктом» (1771 г.) сообщалось: «Еще сейчас в Подолии и на Волини стоят огромные, как дома, бурты гниющей пшеницы, которой можно было бы прокормить всю Европу». Аналогичная ситуация наблюдалась в 1784 г.: «Пшеница настолько дешева на Украине, что многие земледельцы отказываются от ее выращивания. Однако обилие этого зерна уже таково, что оно кормит не только значительную часть Турции, но даже обеспечивает экспорт в Испанию и Португалию», а равным образом и во Францию. Вместе с тем великий час «русской» пшеницы пробил позднее. В 1803 г. приход русских судов с украинской пшеницей вызвал переполох в Италии; об угрозе этого дешевого зерна в 1813 г. говорили в палате депутатов Франции [1, с. 122-123].

Поставка в Англию столь дешевой и столь же необходимой пшеницы ограничивалась самой подвижной шкалой ставок импортных пошлин. Хлеб часто становился экзотическим продуктом, недоступным работающим.

С 1790 до 1812 г. цены на хлеб и муку повысились на 100%, в такой же мере увеличивалась заработная плата. В целом цены на продукты питания превысили 134%, в том числе на мясные изделия и мясо — на 146, на масло — на 140, а на сыры — на 153%. Реальная заработная плата снизилась на треть; приходилось обходиться меньшим количеством пищевых продуктов.

Если в 1805 — 1814 гг. цена зерна составляла в среднем 90 шилл. за квартал, в 1815 — 1824 — 64. Все это соответствовало материальному вознаграждению за труд. В отдельные годы — 1800, 1801, 1809 — 1813, 1814 — 1817 — цена пшеницы превышала 100, а подчас поднималась до 135 шилл. Заработная плата рабочих сохранялась на одном и том же уровне. Многие жили впроголодь [5, с. 499].

Об этом свидетельствует отчет о положении ткачей. Он определял недельный заработок примерно в 10 шилл., из них каждая семья расходовала на покупку хлеба 5 шилл. Сбор в 40% в виде «налога на хлеб» составлял 2 шилл., или 20% недельной заработной платы. Настоящий налог по-разному отражался на бюджете лиц, находящихся на различных ступенях социальной лестницы. Человек, получающий в неделю 40 шилл., лишался 5% своего дохода, тот, кто имел 250 ф. ст. в год, платил только 1%, а

миллионер с 200 тыс. ф. ст. годового дохода — менее 1 су на 100 фунтов, хотя семья нобльмена съедает не более хлеба, чем семья земледельца.

Такие данные привел Р. Кобден в Палате общин 25 августа 1841 г., подчеркнув: «...налог... ложится... бременем на неимущих плательщиков и взимается... не в интересах государства, а в пользу наиболее обеспеченной части общества... ни в одной стране, кроме Англии и Голландии, ни при каком правительстве, в каких бы затруднительных обстоятельствах они ни находились, не прибегали к такой чудовищной несправедливости, как налог на хлеб» [6, с. 134–135].

Недовольство охватило страну. От высоких цен на зерно страдали фермеры: их затраты не покрывались доходами, увеличивались долги, часто они покидали землю и переселялись в город. Там было не легче: рабочие фабрик испытывали все то, от чего бежали из сельской местности. Брожение захватило и фабрикантов. Вследствие дороговизны продуктов питания им приходилось повышать заработную плату и как прямая реакция — удорожание конечной продукции и снижение ее расходимости в стране и зарубежом. И наконец, те государства, какие были готовы приобрести английские мануфактурные товары и взамен поставлять зерно и муку, не имели возможности это осуществить из-за необычайно высоких пошлин на них. В конечном счете интересы простого народа и большинства фабрикантов совпадали: и те и другие находились под прессом «хлебных законов», воспрепятствовавших ввозу в Англию дешевого иностранного хлеба.

В парламенте сформировалась небольшая группа противников «хлебных законов», а в 1836 г. в столице государства возникло «Общество для отмены хлебных законов». Но не Лондону, а Манчестеру, центру по производству хлопчатобумажных тканей, принадлежит заслуга создания в 1838 г. «Нового общества для отмены хлебных законов», впоследствии преобразованного в Лигу (Anti Corn Law League), которая охватила всю Англию. Центральной фигурой стал председатель Манчестерской торговой палаты фабрикант Ричард Кобден. При его участии в 1839 г. разрабатывается и направляется в парламент петиция, в которой указывалось, что «без немедленного уничтожения пошлины на зерно неизбежна гибель фабричной промышленности и только применение в широких размерах принципа свободной торговли может обеспечить дальнейшее процветание индустрии и спокойствие страны» [5, с. 503]. Но парламент не пожелал выслушать делегатов, как и представителей 36 городов Англии.

«Если английские законы о торговле и налогах, — говорил Р. Кобден, — одни без исторических комментариев попали на Луну, то жители Луны сейчас же сообразили..., что эти законы — создание собственников земли, лендлордов». Против последних поднялся не только трудовой люд, но и предприниматели. Тон задавала Лига против хлебных законов, которая насчитывала сотни тысяч привержен-

цев, устраивала многочисленные митинги и собрания, выпускала газету «Anti-breadtaxcircular» тиражом в 20 тыс. экземпляров, издала 15 миллионов брошюр и множество листовок; только в 1843 г. членами Лиги в 150 городах и 25 местечках были прочитаны лекции о пагубной роли «хлебных законов» [6, с. 43].

Первый министр Роберт Пиль в 1841 г. взялся за изменение лестницы пошлин и их понижение. В это время цена хлеба на внутреннем рынке колебалась между 54 и 56 шилл. за квартал. Эту цену приняли как минимальную, от нее устанавливалась новая подвижная лестница пошлин; она была проведена через парламент в 1842 г. и выглядела так, как представлено в табл. 1.

Таблица 1

Хлебные пошлины

По закону 1828 г.		По закону 1842 г.	
Цена квартала хлеба, шилл.	Пошлина, шилл.	Цена квартала хлеба, шилл.	Пошлина, шилл.
50	38 шилл. 6 пенс	50	20
56	40	56	16
60	26	60	12
63	23	63	9
64	22	64	8
70	10	70	5

Источник: [6, с. 72]

Даже беглый анализ нововведения свидетельствует об отсутствии механизма удешевления важнейшего продукта в рационе питания англичанина. На уровне 54 шилл. за квартал пошлины находились в пределах внутренней конкуренции, при цене зерна выше этого уровня производитель (при средней урожайности) оставался при своих: он не мог получить более 56 шилл. за квартал. При падении цены в силу иностранной конкуренции ниже 56 шилл. он защищался пошлиной в 16 шилл.

Понижая покровительство отечественного земледельца, система пошлин не способствовала удешевлению муки и хлеба (по данным статистики, в 40-е годы 5 миллионов британцев потребляли не пшеничный, а овсяный хлеб).

Реформы, проведенные Первым министром Робертом Пилем в 1842 г., несколько улучшили экономическое положение. Парламент и правительство даже не хотели слушать об отмене пошлин на импортный хлеб. Р. Кобден был же уверен, что «Они... уничтожат со временем хлебные пошлины, они понимают, что невозможно будет удержать их в случае неурожая или голода... Но что же это за государственные люди, которые ждут бедствия, чтобы приступить к необходимым реформам?».

1843 г. Неурожай картофеля. 1845 г. Неурожай на все культуры. Высокие цены на хлеб. Надвигался голод. Р. Пиль предлагает нижней палате Парламента внести изменения в систему хлебных пошлин. 98 голосов «за». Билль переходит в палату лордов. Председательствующий советует принять законопроект и, если будет отвергнут, королева распустит парла-

мент и назначит новые выборы. 47 из 53 лордов последовали совету. 25 июня 1846 г. появился законодательный акт, открывший путь к уничтожению ввозных пошлин на зерно. В 1849 г. шкала импортных пошлин была ликвидирована, новая пошлина составила символический 1 шилл., а в 1869 г. ее отменили [5, с. 554].

Изменения в законодательных актах открыли широкие возможности для хозяйственной деятельности. Как отмечал Г. Афанасьев в работе «Ричард Кобден и свобода торговли», в 1820 г. оборот внешней торговли составлял 68 млн ф. ст., в 1856 — 332, а в 1900 — 685 млн, или вырос в 10 раз [6 с. 123]. Динамика импорта пшеницы и муки за период с 1831 по 1900 г. представлена в табл. 2.

«... введение свободного обмена дало возможность лучше питаться», — говорил Р. Кобден 26 июня 1861 г. своим избирателям и продолжал: «...увеличению количества хлеба на наших рынках способствовал, с одной стороны, ввоз иностранных продуктов, а с другой стороны — важное влияние возникшей при этом конкуренции для развития нашей собственной сельскохозяйственной промышленности» [6, с. 155].

Теперь задача состоит в том, чтобы упразднить все пошлины «на все предметы иностранного производства... подобно тому, как... открыли доступ... хлебу и сырью» [6, с. 156], ведь свободный рынок

во-вторых, благодаря промышленной революции резко увеличился обмен продуктами промышленного производства, расширились номенклатура и ассортимент изделий, снизились издержки;

в-третьих, торгово-промышленная часть общества настаивала на росте товарообменных операций с близкими и дальними соседями, наталкиваясь на сопротивление земледельческой аристократии;

в-четвертых, трудовой люд, поддержанный торговыми посредниками и фабрикантами, начал движение за улучшение условий жизни, в частности питания, снижение цен на продукты первой необходимости, прежде всего зерно, муку и хлеб;

в-пятых, движение за отмену «хлебных законов» приобрело массовый характер и вынудило органы власти снижать, а в конечном счете ликвидировать пошлины на зерновые;

в-шестых, экономически оправданный свободный рынок зерна логически подталкивал и вел к свободному внутринациональному рынку;

в-седьмых, эволюция хозяйственной ситуации на Британских островах с явно положительным эффектом стала объектом подражания для ряда европейских стран;

в-восьмых, снижение барьеров на пути движения товаров — закономерность наших дней (пре-

Таблица 2

Импорт пшеницы и муки

Период	Импорт в расчете на душу населения (хандредвейты)	Доля удовлетворения потребностей за счет внутреннего производства в %	Период	Импорт в расчете на душу населения (хандредвейты)	Доля удовлетворения потребностей за счет внутреннего производства в %
1831–1835	0,119	96,0	1871–1875	1,56	48,0
1836–1840	0,267	90,0	1876–1880	1,85	37,2
1841–1845	0,308	89,55	1881–1885	2,17	26,4
1846–1850	0,644	78,45	1886–1890	2,09	29,0
1851–1855	0,755	74,4	1891–1895	2,51	15,2
1856–1860	0,837	71,9	1896–1900	2,38	19,1
1861–1865	1,196	59,4	1901–1905	2,54	10,6
1866–1870	1,224	58,4			

Источник: [7, с. 424]

зерна — лишь сегмент внутринационального рынка, куда должен быть открыт свободный доступ.

Экономическая жизнь Англии последней четверти XVIII — первой половины XIX в. свидетельствует:

во-первых, страна стала лидером в мировом сообществе наций — мастерской мира и владычицей морей;

рогатива ВТО) или уничтожение всяких преград, сдерживающих товарообмен (многоплановые свободные экономические зоны).

Вне сомнения, сохраняет актуальность — и в теоретическом аспекте и практическом — проблема свободного обмена товарами и капиталами между странами. И здесь поучителен опыт Великой Британии.

Литература:

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм : В 3-х тт. — Т. 1. Структуры повседневности: Возможное и невозможное: пер. с франц. / Ф. Бродель. — М. : Прогресс, 1986. — 622 с.
2. Mathias P. The First Industrial Nation. — London, 1969.
3. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов: пер. с англ. / А. Смит. — М. : ЭКСМО, 2007. — 960 с.
4. Рикардо Д. Сочинения : В 3-х тт. — Т. III. Статьи по аграрному вопросу и критические замечания к книге Мальтуса : пер. с англ. / Д. Рикардо. — М. : Госполитиздат, 1955. — 457 с.
5. Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы. — 10-е изд., стереотипное / И. М. Кулишер. — Челябинск : Социум, 2012. — 1030 с.
6. Ричард Кобден: Серия «Биография». — Челябинск : Социум, 2005. — 240 с.
7. Милль Дж. С. Основы политической экономии : В 3-х тт. — Т. III: Приложение ВВ : пер. с англ. / Дж. Милль. — М. : Прогресс, 1980. — 447 с.